

Розовый лепесток мягко опустился на плечо мужчины. Тот небрежным движением смахнул его. Посыпался легкий цветочный дождь; подхваченные ветром лепестки закружились в воздухе и полетели прямо ко мне. Я опустил взгляд на нежно-розовый шелк, упавший на сырую землю. Над верхушками деревьев с тихим щебетом пронеслись птицы, спешащие к своим гнездам, и персиковый сад погрузился в глубокую, затаенную тишину.

Натянутые до предела нервы наконец расслабились, и на меня навалилась свинцовая усталость. Каждая кость, каждая жила ныли так, словно меня придавило каменной глыбой. Когда адреналин улетучился, прежняя боль, до этого притупленная смертельной опасностью, хлынула неодолимым приливом. Голову словно раскололи тяжелым кузнечным молотом.

«Надо бы поблагодарить его за спасение...»

Эта слабая мысль едва успела мелькнуть в гаснущем сознании, прежде чем меня накрыла спасительная тьма.

Когда я пришел в себя, рядом уже никого не было. Закат давно догорел, уступив место мягкому, призрачному свету серебряной луны. Я попытался приподняться. Ладони коснулись чего-то прохладного, гладкого и нежного, словно шелк. Опустив взгляд, я обнаружил, что лежу на расстеленном прямо на земле длинном одеянии лунно-белого цвета.

Ночная трава дышала сыростью и холодом, но эта мантия надежно защищала мое тело от ледяной росы. Я поднял ее, бережно ощупав ткань пальцами. Невесомая, почти воздушная, но при этом прекрасно удерживающая тепло и не пропускающая влагу — вещь явно стоила целое состояние. Но если одежда осталась здесь, то куда же делся ее владелец?

Я поднялся на ноги и осмотрелся. Я по-прежнему находился в глубине персикового сада. Неужели этот чудак просто взял и ушел? И не побоялся оставить меня здесь на съедение диким зверям?

Досадливо цыкнув, я коснулся затылка — пальцы наткнулись на плотную повязку. Превосходно, ранений только прибавилось. Мне даже зеркало не нужно, чтобы представить, на кого я сейчас похож. Живая мумия, с головы до ног замотанная в бинты. Стоит показаться людям на глаза — помрут со страху.

Странно, но раны почти не болели. Видимо, мой спаситель времени даром не терял, пока я валялся без чувств. Я осмотрел себя и с удивлением обнаружил, что все порезы и ссадины аккуратно обработаны и перевязаны. Даже старые ожоги от небесной кары были тщательно очищены и заново обработаны.

«Неужели этот паршивец... пока я лежал без сознания, раздел меня догола и осмотрел с ног до головы?»

Да, этот человек спас мне жизнь. Но мысль о том, что меня, беспомощного и беззащитного,

бесцеремонно раздели и перевязали раны, оставляла во рту довольно странное, даже неловкое послевкусие.

Луна, похожая на острое лезвие кривой сабли, заливала окрестности холодным серебром. Продвигаясь сквозь усыпанный лепестками персиковый сад, я начал замечать, что здешние места неуловимо отличаются от диких горных круч Священной горы. Горы и вода были на своих местах, но земля под ногами становилась все ровнее, а изумрудная трава росла на удивление густо и аккуратно.

Пейзаж казался завораживающим, и все же в нем чувствовалась рука человека. В диких горах трава не стелется столь безупречным ковром. Да и персиковый сад, через который я шел, не выглядел дикорастущим — деревья явно высаживали намеренно. Неужели я забрел в обитель какого-нибудь утонченного адепта Священных Врат? Или это владения того таинственного незнакомца в белом? Но если это его дом, почему он оставил меня валяться под деревьями, вместо того чтобы перенести в комнату?

Не гадая попусту, я побрел вверх по течению небольшой чистой речушки. Вода в ней была ледяной и прозрачной, сквозь нее виднелись гладкие окатанные камни, а на зыбкой глади качалось серебряное отражение полумесяца, похожего на крошечную лодочку.

Как же давно я не бродил в одиночестве под покровом такой тихой и прохладной ночи.

Сделав глубокий вдох и впустив в легкие бодрящий ночной воздух, я ощутил, как с души спадает тяжесть. Когда человек умирает, все земное теряет смысл. И обиды, и застарелая ненависть становятся подобны увядшим лепесткам — ветер срывает их, уносит в реку, и бурное течение уносит их прочь, в неизвестность. Кругом царило безмолвие, лишь изредка нарушаемое ленивым стрекотом цикад. Сама атмосфера этого места располагала к покою и ясности ума.

Поддавшись внезапному порыву, я остановился, сбросил обувь и носки. Босые ступни опустились на влажную от брызг прибрежную траву. Она приятно щекотала кожу, а прохладный аромат зелени, речной влаги и сырой земли поднимался вверх, омывая меня волной свежести.

Оставив позади суету мирской жизни, я, кажется, впервые за долгие годы по-настоящему почувствовал этот мир. Оказалось, что даже простая река, скромная трава и сырая земля таят в себе невыразимую прелесть. Ночь была подобна выдержанному вину, хмельной сладостью проникающему в самую душу.

Шуршащий плеск текущей воды постепенно сменился отчетливым рокотом.

Я замедлил шаг и тихо пробормотал:

— Судя по грохоту, источник совсем близко. Должно быть, впереди водопад.

Я опустил взгляд на свои испачканные землей и налипшей травой ноги. Если там действительно водопад, то это отличный шанс хорошенько искупаться, отыскать какую-нибудь еду, а затем устроиться поудобнее на берегу и до утра любоваться звездным небом.

<http://bllate.org/book/18233/1749940>